

Научная статья
УДК 1; 304.4
DOI: 10.18101/1994-0866-2024-1-53-59

ЭТНИЧЕСКИЕ ФЕМИНИЗМЫ: КРИТИКА МЕЙНСТРИМНОГО ФЕМИНИЗМА

© Коновалова Аюна Прокопьевна

аспирант кафедры философии

auna65@mail.ru

© Цырендоржиева Дари Шойбоновна

доктор философских наук, профессор

dari145@mail.ru

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

Аннотация. Возникшее в XVIII–XIX вв. женское общественно-политическое движение, распространившееся с Запада, всколыхнуло глобальный мир, вызвало перемены в обществе, послужило катализатором феминистской активности и, как следствие, переосмысление разнообразных женских опытов в обществах с разной культурой и устройством. Авторы выявляют противоречия западного (мейнстримного) феминизма и различия, присущие обществам с иными культурными, историческими, гендерными, социальными контекстами, с которыми столкнулись феминистские исследования стран третьего мира. Выявленные подвергаемые критике многие аспекты мейнстрима: европоцентризм, навязывание идеи «сестринства», ориентализм, экзотизация, гомогенизация, виктимизация, маргинализация, лишение субъектности «женщин третьего мира», а также несостоятельность в некоторых обществах теории глобального патриархата как системы угнетения женщин, позволяют прийти к выводу о том, что деколониальный выбор в направлениях социальной и гуманитарной мысли выявляет изъяны, унаследованные колониальным прошлым, и позволяет принимать во внимание локальные гендерные порядки, иные социальные стратификации.

Ключевые слова: феминизм, мейнстримный феминизм, этнические феминизмы, феминизм третьего мира, феминизм коренных народов, критика феминизма, деколониальный выбор, гендерный подход, интерсекциональный подход, гендер.

Для цитирования

Коновалова А. П., Цырендоржиева Д. Ш. Этнические феминизмы: критика мейнстримного феминизма // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2024. № 1. С. 53–59.

Сегодня феминизм является довольно разносторонним явлением, выражающимся в разных формах, в различных сторонах жизни. Эмансипация женщин, эгалитарность общества перестали быть единственными целями для феминисток. Распространяясь по земному шару, феминистские идеи дают обществу импульс к осмыслению новых идей, что воплощается в политических движениях, активизме, пересмотре устоявшихся в обществе взглядов и принятого порядка.

Однако было бы ошибкой считать этнические феминизмы адаптацией западного феминизма к «местным» условиям. Поскольку в основе феминистских идей лежит несогласие с ролью и положением женщин в обществе, попытка смыслить и изменить несправедливое устройство патриархатного (патриархат букв. — «власть отца», др.-греч. πατήρ — «отец» и ἀρχή — «господство, начало, власть») общества, то возникновение осмысления данного положения вещей, постановка вопросов и поиск способов их решения являются вполне закономерным для любого общества. Протофеминистские идеи, запечатленные в виде письменных памятников, дошедшие до наших времен, существовали с древности [1] и на Востоке, и на Западе. Возникшее в XVIII–XIX вв. женское общественно-политическое движение, распространившееся с Запада, всколыхнуло глобальный мир, вызвало перемены в обществе, послужило катализатором феминистской активности и, как следствие, переосмысление разнообразных женских опытов в обществах с разной культурой и общественным устройством. Насколько разнообразен мир, настолько и разнообразны феминизмы различных обществ.

Говоря об этнических феминизмах, невозможно свести их к общей, единой теории. Называя их этническими, мы подразумеваем разные аспекты этого феномена — расовые, религиозные, культурные, классовые, а также находящиеся на пересечении этих и других различий между людьми и обществами. В современных исследованиях феминистской тематики говорят о феминизмах третьего мира, деколониальном феминизме, черном феминизме, цветном феминизме, феминизме коренных народов, этнических феминизмах разных стран мира, имеющих свою специфику.

Общей чертой этнических феминизмов является несогласие со сложившейся за последние столетия монополией феминизма белых (европейских, американских) женщин среднего класса. Причем вначале феминистки третьего мира не ставили задачу противопоставления «мейнстримным» идеям «радикально нового и отличного от западного знания в методологическом смысле» [2, с. 13]. Со временем феминистские практики стали показывать недостаточность или несостоятельность выработанных «белым» феминизмом подходов, претендующих на универсальность и исчерпывающее знание «о женщинах как таковых, а также и о тех путях, которыми они должны идти, чтобы достичь равноправия» [Там же]. По словам исследовательницы М. Глостановой, «...внешне они направлены на развенчание европоцентризма, ориентализма и расизма. За ними неизбежно тянется шлейф локальности тех или иных теорий, на которые они опираются зачастую как на универсальные, будь то англофонный и франкофонный опыт, преломленный в теоретическом аппарате постколониальных исследований, постмодернизм или неомарксистский подход, слегка приправленный ориенталистской экзотикой, неизменно тщательно вуалирующий свою темную европоцентристскую сторону» [Там же].

В чем противоречия между мейнстримным и этническими феминизмами? Каковы оси оппозиций между ними? Что остается в зоне невидимости для западного опыта женщин средних классов, и что маргинализуется ими в опыте женщин третьего мира? Многообразие опытов различных обществ дает множество оппозиций, осями которых являются расовые, классовые, гендерные, культурные, религиозные и иные идентичности людей и обществ. Называя немейнстримные

феминизмы этническими, мы подразумеваем не только этническую принадлежность объектов рассмотрения. «Этнический» условно в европоцентричной системе координат — не европейский, чаще всего другой расы, чем европейцы, принадлежащий к другой культуре, как правило, колониальной. Колониальное прошлое женщин глобального Востока и Юга не позволяет буквально применять опыт западных феминисток в практиках освобождения женщин от угнетения.

Деколониальный аспект оппозиций мейнстримного и этнических феминизмов сегодня вызывает острый интерес исследователей. «Из возникших в последние годы направлений мировой гуманитарной и социальной мысли, попытавшихся выступить в роли коннектора между разными опытами инаковости, связанными с колониально-имперским измерением модерности, выделяется *деколониальный поворот*, или *деколониальный выбор*, как предпочитают говорить его участники, избегая европоцентристского менеджеристского понятия "проект"», — отмечает М. Тлостанова в своем исследовании «Деколониальные гендерные эпистемологии» [2, с. 61]. «Деколониальное мышление — это критический подход в гуманитарных и социальных науках, который в широком смысле зародился в Африке, Южной Америке и среди интеллектуальных меньшинств в США (коренных американцев, латинос/ас). Вместо того чтобы вести свое историческое происхождение от интеллектуального наследия Греции и Рима, деколониальное мышление в качестве точки отсчета использует совершенно другие события — открытие Нового Света, возникновение атлантических коммерческих маршрутов XVI–XVII вв., геноцид коренного населения и работорговлю африканцами, организованную западными христианскими государствами Европы (Португалией, Испанией, Францией, Голландией, Англией)» [Там же, с. 63].

Ключевым понятием *деколониального выбора* (поворота) является *колониальность (матрицы) власти*, которая начала складываться по двум осям — расового и классового угнетения. «"Колониальность власти" соединяет формирование расы (расизма), контроль труда (капиталистическую эксплуатацию), контроль государства и субъектности (в том числе и в гендерной сфере) и, наконец, важнейший контроль над производством знаний, иначе говоря, создание западной монополии знаний в современной истории», — уточняет исследовательница, ссылаясь на перуанского социального философа А. Кихано [2; 6].

Говоря о контроле и эксплуатации труда женщин, необходимо пояснить современный феминистический взгляд на капитализм. Неомарксистские феминистки в угнетенном положении женщин обвиняют капитализм, который «создал новые, отчетливо "современные" формы сексизма, подкрепленные новыми институциональными структурами. Главным его нововведением было разграничение между воспроизводством людей и получением прибыли, предоставление первого из этих процессов женщинам, а затем подчинение их второму процессу» [3, с. 24]. Воспроизводство людей или в марксистско-феминистской терминологии общественное воспроизводство — это не только биологическое создание и поддержание жизни, это также создание и поддержание работоспособности или, по Марксу, «рабочей силы», т. е. формирование у людей способностей, навыков, ценностей, нужных установок. В марксистской терминологии, производя «рабочую силу», женщины создают прибавочную стоимость, которую присваивает

себе, поскольку домашний труд женщине не оплачивается, наниматель рабочей силы — капиталист. Кроме того, он закрепляет за женщиной эту роль. Капитализму выгодно гендерное разделение труда. Внутри семьи женщина занимает подчиненное положение по отношению к кормильцу — тому, кто получает заработную плату, содержит ее, ставя в зависимое положение. Таким образом, в колониальной матрице капитализм выстроил выгодную для себя социальную иерархию, основанную на экономическом (а в колониальном обществе еще и расовом или этническом) и гендерном разделении, в самом низу которой располагаются женщины угнетаемой расы ниже среднего класса.

Интерсекциональная (межсекционная) позиция — еще один аспект этнических феминизмов. Сам термин «интерсекциональность» (лат. intersection — пересечение) красноречиво свидетельствует о пересечении осей, и к названным — гендеру, расе/этничности и классу — в каждом конкретном случае могут добавляться множество других факторов, по которым производится угнетение. Такими бывают возраст, религия, культура, состояние здоровья и др. Интерсекциональный анализ был предложен в конце 1980-х гг. и является «наиболее существенным вкладом женских исследований... в социальную теорию» [4, с. 16]. Согласно этой концепции женщины из предыдущего примера подвергаются множественной дискриминации. «Суть в том, что оси власти сопряжены и переплетены, т. е. механизмы воспроизводства неравенства — экономического, этнического, гендерного — действуют не изолированно, а взаимно обуславливают друг друга, (вос)создавая комплексную матрицу властных отношений и позиций. Силы разной направленности сопрягаются и создают локусы социального пространства, для которых характерна контекстуально заданная конфигурация отношений власти, явленная в индивидуальных или групповых практиках» [4, с. 18].

Еще одной составной частью «колониальной матрицы» является, как уже было отмечено, контроль над производством знаний. Критика мейнстримного феминизма феминистками третьего мира происходит по очень многим принципиальным позициям. Прежде всего мейнстримный феминизм является выражением интересов и взглядов белых западных женщин среднего класса, сформировавшегося и существующего в определенных исторических, культурных, политических условиях, которые приняты за точку отсчета в системе координат. Их опыт — норма, эталон, все другие опыты — отклонения от нормы, представляющие собой в этой дихотомии (норма/не норма) единую сущность.

Американская исследовательница индийского происхождения Чандра Талпейд Моханти (Chandra Talpade Mohanty) подвергает критике понятие «женщины третьего мира», подразумевающее некую гомогенную сущность, удобную для анализа методологиями, выработанными «мейнстримным» феминизмом, не учитывающее разнообразие их опытов, контекстов, различий. Это, по мнению Моханти, приводит к скрытым формам колониализма, заключающегося в неадекватности западных подходов, «воспроизводящим устоявшиеся иерархии, этноцентризм, различные формы культурного доминирования ... большая часть западных феминистских работ о женщинах третьего мира основана по-прежнему на уверенности в собственном превосходстве, на этноцентристском универса-

лизме и неадекватном восприятии влияния западной науки на "третий мир"» [2, с. 29].

Европоцентризм выражается не только в проецировании своей модели феминистской генеалогии и теоретических воззрений на весь остальной мир, но и на непризнании, в оставлении на периферии воззрений исследовательниц — представительниц третьего мира, этнических меньшинств бывших метрополий. Последние часто сами для «мейнстрима» являются объектом исследований и лишаются субъектности. «Формальное включение наших текстов без того, чтобы переосмыслить всю основу белого женского знания среднего класса, успешно поглощает нас и заставляет замолчать. Это все равно, что сказать, что наши теории убедительны и несут объяснительную способность только в отношении нашего особого опыта, но не имеют никакой ценности в трактовке остального мира» [2, с. 14]. Таким образом, упускаются из виду не только опыт, история, культурные особенности женщин третьего мира, но и сами исследования.

Есть несогласие и в некоторых фундаментальных позициях мейнстримных феминистских теорий. В частности, ставится под сомнение универсальность концепции гендера как генеральной оси построения социальных иерархий, присущего всем обществам на планете. Нигерийская исследовательница Ойеронке Ойеуми (Oyèrónkẹ́ Oyéwùmí) подвергает критике незыблемость постулатов западных феминисток относительно гендера:

«1. Гендерные категории являются универсальными и вневременными, присутствуют в каждом обществе в любое время.

2. Гендер является фундаментальным организующим принципом во всех обществах и всегда выступает на первый план.

3. Существует сущностная универсальная категория "женщины", которая характеризуется социальной однородностью ее членов.

4. Подчинение женщин является универсальным.

5. Категория женщины является докультурной, зафиксированной в историческом времени и культурном пространстве как антитеза мужчине (Oyewumi 1997: XI–XII)» [2, с. 110].

На примере доколониального устройства общества йоруба она показывает, что определяющим фактором положения в обществе был возраст члена общества, а не пол (гендер). В языке йоруба отсутствуют гендерные обозначения членов семьи. В выборе главы семьи, клана или общины гендерная идентичность не играла ключевой роли и роль женщины не являлась подчиненной по умолчанию.

Критике западного феминизма подвергается идея «сестринства», гомогенизирующая всех женщин как некую общность и игнорирующая различия. Западные феминистки, пребывая в линейной, прогрессивистской модели истории, в том числе и феминистской, рассматривают «сестер» (как бы «младших») как равных, но находящихся на более ранней стадии развития. Проще говоря, «старшие» сестры оказываются не способными избавиться от стереотипа «отсталости» женщин третьего мира, к которому они относят всех, отличающихся этничностью, расой. Так, женщин исламского мира носящих хиджаб, наделяют штампом «жертв» мужского шовинизма, что не позволяет им глубже вникнуть в более сложную проблематику такого вопроса, как феномен хиджаба. «Правильный»,

классический феминизм равно порицает женщин, скрывающих свое тело чадрой, и постсоциалистических женщин, имевших опыт маскулинизации женского образа [8, с. 82] в соответствии с идеологиями правящих партий стран социалистического лагеря и стремящихся подчеркивать свою женственность, сексуальность посредством одежды, макияжа, каблуков. Невидение, игнорирование контекста, истории, культуры, маргинализация опыта «сестер» — еще одна претензия этнических феминисток к западным.

Выводы из описанного выше можно сделать следующие. Европоцентризм, свойственный мейнстримным феминисткам и гендерным исследователям, делает их нечувствительными к различиям, присущим представительницам других обществ и культур, сужает объект исследований, отсекая все, что не соответствует выработанным концепциям, маргинализирует, экзотизирует самих объектов феминистских практик по их эмансипации, лишает субъектности исследовательниц, происходящих не из Европы или Северной Америки. Другие опыты не вписываются в рамки феминистских теорий, выработанных Западом. Подходы мейнстримного феминизма оказываются не состоятельными для многих разнообразных обществ. Феминистские исследовательницы мира, изучая опыт своих этносов, культур, контекстов, расширяют или ломают жесткие рамки прежних теорий, отмечая их как унаследовавшие колониальные взгляды, и предлагают новые — деколониальные. Исследование в деколониальном ключе позволяет увидеть «...существование других феминизмов со своей генеалогией и логикой развития, с которыми у нее/него может оказаться больше точек пересечения и диалога» [2].

Литература

1. Коновалова А. П., Цырендоржиева Д. Ш. Протофеминистские идеи как основа феминистского движения // Человек и общество в поиске новых смыслов: материалы всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию кафедры философии Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова / научный редактор К. А. Багаева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2022. 162 с. Текст: непосредственный.
2. Глостанова М. В. Деколониальные гендерные эпистемологии. Москва: Маска, 2009. 386 с. Текст: непосредственный.
3. Аруцца Ч., Бхаттачарья Т., Фрейзер Н. Феминизм для 99%. Манифест / перевод Н. Демьянова. Москва: Радикальная теория и практика, 2020. 84 с. Текст: непосредственный.
4. Темкина А. А., Здравомыслова Е. А. Интерсекциональный поворот в гендерных исследованиях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. 20(5). С. 15–38. 221 с. Текст: непосредственный.
5. Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. 12 лекций по гендерной социологии. Санкт-Петербург: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 768 с. Текст: непосредственный.
6. Quijano A. Coloniality of Power, Knowledge, and Latin America. *Nepantla: Views from South*. 2000; 1:533–580.
7. Shu-mei Shih (2005). Towards an ethics of transnational encounters, or “when” does a “Chinese” woman become a “feminist”? *Margueritte Waller and Sylvia Marcos, eds. Dialogue and Difference. Feminisms Challenge Globalization*. N. Y.: Palgrave Macmillan. P. 3–28.
8. Коновалова А. П. Тренды феминизма и российское общество // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2022. Вып. 1. С. 80–88. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 22.01.2024; одобрена после рецензирования 05.02.2024; принята к публикации 08.02.2024.

ETHNIC FEMINISMS: CRITIQUE OF MAINSTREAM FEMINISM

Ayuna P. Konovalova
Research Assistant,
Philosophy Department
auna65@mail.ru

Dari Sh. Tsyrendorzhiyeva
Dr. Sci. (Philos.), Prof.
dari145@mail.ru

Dorzhi Banzarov Buryat State University
24a Smolina St., 670000 Ulan-Ude, Russia

Abstract. The emergence of the women's socio-political movement in the 18th–19th centuries, which spread from the West, shook the global world, brought about changes in society, served as a catalyst for feminist activity, and, as a result, led to a reevaluation of diverse female experiences in societies with different cultures and social structures. The authors identify contradictions in Western (mainstream) feminism and differences inherent in societies with diverse cultural, historical, gender, and social contexts encountered by feminist studies in third world countries. Criticized aspects of the mainstream include Eurocentrism, the imposition of the idea of "sisterhood," orientalism, exoticization, homogenization, victimization, marginalization, and the deprivation of subjectivity of "third world women." Additionally, the inadequacy in some societies of the theory of global patriarchy as a system of women's oppression allows for the conclusion that the decolonial choice in social and humanitarian thought reveals flaws inherited from colonial pasts and enables the consideration of local gender orders and other social stratifications.

Keywords: feminism, mainstream feminism, ethnic feminisms, third world feminism, indigenous feminism, feminist critique, decolonial choice, gender approach, intersectional approach, gender.

For citation

Konovalova A. P., Tsyrendorzhiyeva D. Sh. Ethnic Feminisms: Critique of Mainstream Feminism. *Bulletin of Buryat State University. Philosophy.* 2024; 1: 53–59 (in Russ.).

The article was submitted 22.01.2024; approved after review 05.02.2024; accepted for publication 08.02.2024.